

ИЗУЧЕНИЕ РАННЕСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: СМЕНА ПАРАДИГМ

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Анализируется ключевая проблема историографии раннесоветского общества – сущности общественного строя, сложившегося в Советской России / СССР в 1917 – середине 1930-х гг. Показаны роль тоталитарной теории и социальной истории как основных конкурирующих подходов к изучению раннесоветского общества в 1990–2000-х гг.; варианты методологического синтеза, предложенные отечественными исследователями, а также «гибридные» концепции, пригодные для изучения раннесоветского общества.

Ключевые слова: историография; раннесоветское общество; теория тоталитаризма; социальная история; методологический синтез; культурно-историческая перспектива.

Историография советского общества 1920–1930-х гг. поистине необъятна и не может быть представлена в рамках одного историографического труда, даже монографического характера. Специализация в исследовании различных аспектов его развития (политических, социально-экономических, социокультурных) привела к созданию обширной литературы, требующей специального анализа. Мы ставим задачу выявления исследовательских подходов российских историков к интерпретации сущности общественного строя, сложившегося в этот период, рассматриваемых нами в контексте западной историографии. При этом в центре обсуждения главным образом будет истолкование историками характера взаимоотношений власти и общества, механизмов функционирования власти.

Переосмысление исторического опыта развития нашей страны в 1917–1930-е гг., как и в целом советского периода ее истории, началось в годы перестройки. После длительного господства предельно догматизированного сталинского положения об окончании нэпа и, соответственно, «победы социализма» к 1936 г. ведущие историки к концу 1980-х гг. сошлись во мнении о «сломе» нэпа уже в конце 1920-х гг. [1]. Нэп, в соответствии с традицией советской историографии, следовавшей за ленинскими положениями, рассматривался в годы перестройки как политика переходного от капитализма к социализму периода [1. С. 124, 141, 143], а его слом – как «отказ от путей и методов преобразования общества, намеченных В.И. Лениным в его последних трудах» [1. С. 151]. В это же время начал обсуждаться вопрос о предпосылках свертывания нэпа, его альтернативах, сущности новой общественной системы, утвердившейся после «революции сверху» 1929 г. (которая в большинстве работ обозначалась как «административно-командная» или «административно-мобилизационная»), природе «культы личности» Сталина [1, 2]. Историками, обществоведами разрабатывались социально-экономические, политико-идеологические, идейно-психологические предпосылки свертывания нэпа и утверждения власти Сталина [3. С. 369–398]. Наряду с противопоставлением ленинского и сталинского курсов, нэпа и форсированной модели развития уже в конце 1980-х гг. зазвучали, поначалу редкие, голоса выступавших за выявление их общих характеристик и преемственности [4, 5].

Определяющее влияние на развитие историографической ситуации в постсоветский период, после 1991 г., оказала интеграция российской исторической науки в мировое исследовательское пространство. Она была ознаменована освоением концепций западной, прежде всего англо-американской, историографии советского общества. Исторический крах коммунизма и советской модели развития в СССР в целом ряде других стран, антикоммунистические настроения в российском обществе определили широкое распространение и имплементацию «тоталитарной концепции». Ее использование в объяснении исторических процессов в Советской России и СССР 1920–1930-х гг. получило в конце 1980-х – 1990-е гг. теоретическое обоснование и практическое воплощение в отечественной историографии. Трактровка идей классических работ Х. Арндт, К. Фридриха, З. Бжезинского, Р. Арона и других, обоснование возможности их использования применительно к советской истории Ю.И. Игрицким, К.С. Гаджиевым и другими авторами [6–8] позволяли рассматривать советскую систему как разновидность тоталитарных режимов, характеризующихся общими фундаментальными признаками. Конкретно-исторические исследования, в том числе докторские диссертации, написанные на основе данного подхода, были посвящены, прежде всего, политическим аспектам становления и развития советской системы, механизмам функционирования власти, изучению политических репрессий, причем не только на общесоюзном, но и на региональном материале [9–11]. В 1999 г. известный специалист по истории советского общества А.К. Соколов констатировал: «Концепция тоталитаризма как способ видения советского прошлого находится сегодня в России в положении официальной идеологии» [12. С. 132]. Распространению теории способствовали не только уже упомянутые факторы, но и важное научное обстоятельство, связанное с открытием архивов в 1992 г., создавшим документальную основу для изучения репрессий и показавшим, что террор, как отмечал О.В. Хлевнюк, был управляемым из центра процессом, а карательные акции проводились в сроки и по правилам, установленным в Москве [13. С. 92].

В работах яркого представителя тоталитарной концепции советской истории в современной амери-

канской историографии М. Малиа последовательно отстаивается примат политики и идеологии, а не социальных факторов и экономики в объяснении советского феномена [14, 15]. Его подходы были созвучны с выводами целого ряда исследований отечественных авторов, находя в них определенное подтверждение. Так, важные материалы и выводы о доминировании политики и идеологии в развитии советского общества в 1917–1930-х гг., ограниченности возможностей большевистского реформирования привел в своих трудах 1990-х – начала 2000-х гг. известный исследователь советской политической системы Е.Г. Гимпельсон [16–18].

И.В. Павлова на основе теории тоталитаризма доказывала, что сталинская власть была антинародной и подпольной, всеохватывающей и всепроникающей [19]. Конспиративность власти как сущностной черты сталинизма, по ее мнению, определялась тем, что скрытое не только от государства, но и от собственной партии тайное делопроизводство по осуществлению реальной политики в стране определяло неформализованность этой власти и безграничность ее действия [19. С. 64].

Наряду с «безоговорочным признанием» значимости тоталитарной концепции в отечественной историографии 1990-х гг. существовали и более взвешенные аналитические подходы, сопряженные с глубоким анализом методологических ограничений и условий применения этой теории в отношении российской истории [20]. Параллельно с утверждением концепции тоталитаризма в российской историографии стали разрабатываться альтернативные варианты исторического объяснения феномена раннесоветского общества. Некоторые историки подчеркивали фактор исторической преемственности в становлении и эволюции российской государственности на ее разных этапах, превалирования в облике политической системы, утвердившейся в 1920–1930-е гг., специфических отечественных, а не универсальных «тоталитарных» черт [21. С. 73–80].

В 1990-е гг. параллельно изысканиям, осуществлявшимся в рамках «тоталитарной» парадигмы, в нашей стране под влиянием исследований «ревизионистов» на Западе и освоения методологического и историографического наследия школы «Анналов» раннесоветское общество стало изучаться в жанре социальной истории и родственных антропологически-ориентированных направлений. Как известно, представители «ревизионизма» с 1970–1980-х гг. обратились к анализу постреволюционных процессов в России с позиций социальной истории, пристально изучали социальное измерение и социальный контекст происходивших перемен, реальные каналы и механизмы взаимодействия власти и общества, добывшись в этом значимых результатов [22–26].

Многолетняя полемика сторонников теории тоталитаризма и ревизионистов велась в западной историографии, по выражению О.В. Хлевнюка, «на грани научных приличий» [13. С. 93]. Вслед за американской историографией, где дискуссии были чрезвычайно острыми, российские приверженцы двух направлений также столкнулись в жестком противо-

стоянии, сконцентрировавшемся в конце 1990-х гг. вокруг оценки методологических подходов «ревизионистской» историографии. В ходе обсуждения прозвучал ряд важных положений и оценок вклада «ревизионистской» и «тоталитарной» историографии в изучение раннесоветского общества, потенциала обоих направлений [12. С. 121–141; 27. С. 107–121].

Наиболее серьезную критику тоталитарной теории предпринял А.К. Соколов, отмечавший политизированность и ограниченность познавательных возможностей данной концепции [12. С. 130–134]. А.К. Соколов являлся не только лидером в конкретно-исторических исследованиях социальных процессов сталинского времени, но и разработчиком источниковедческих подходов к изучению советской истории, инициатором и редактором сборников документов по этому периоду, автором вузовского учебника [28–32].

Осознание эвристического потенциала методологического синтеза в изучении советского общества привело к появлению целого ряда «гибридных» подходов, позволяющих наиболее адекватно исследовать различные сферы и сегменты общественной жизни, специфические процессы советской действительности. В этой связи обращает на себя внимание наличие ряда разновидностей таких подходов: соединения модернизационной и цивилизационной перспектив, идей модернизации и признания тоталитарной природы политического режима и др.

Так, еще американские исследователи выдвинули тезис о сталинских преобразованиях как форме модернизации, ее советском варианте [32. Р. 4]. Российскими авторами дано обоснование возможности синтеза модернизационного и цивилизационного подходов к изучению советского общества, «мультиплицирующего» их познавательные возможности [33. С. 38, 96; 34. С. 35]. Уральские историки В.В. Алексеев, И.В. Побережников и другие акцентировали внимание на преемственности целей и методов российских модернизаций, рассматриваемых в контексте их цивилизационного своеобразия, пространственно-временных характеристик, конкретно-исторических условий протекания. Они показали, что цивилизационные особенности оказывали воздействие на характер и динамику модернизационных процессов, поскольку определяли фундаментальные, наиболее устойчивые структуры и ценности социума [33. С. 101]. Авторы утверждают решающее влияние российской модернизационной традиции на трансформацию большевизма, отмечая, что «большевизм был “переварен” Россией и превратился в разновидность “почвеннического” течения с леворадикальной марксистской риторикой. На деле же он воплощал в жизнь стратегию модернизации с опорой на собственные силы и в национальных интересах, как они понимались правящей элитой» [Там же. С. 109].

Сибирские историки, разработавшие вслед за западными авторами [34] проблему социальной мобилизации в сталинском обществе [35], предложили трактовку соотношения процессов модернизации и утверждения тоталитарного режима. С.А. Красильников отмечал, что именно «мобилизационность», став сущностной характеристикой постреволюционного

советского режима, в значительной мере определяла формат, направления и масштабы модернизационных процессов, а не наоборот. «Поэтому, – пишет он, – с не меньшим основанием можно утверждать, что модернизация выступала инструментом, условием утверждения мобилизационного тоталитарного режима в СССР» [36. С. 22]. При этом сибирские исследователи разделяют концепцию «нового русского феодализма», получившую определенное распространение среди зарубежных и отечественных исследователей, позволяющую за внешними значительными различиями феодальной и индустриальной экономик, социальных и политических институтов и общественных отношений выявить архаическую природу советского общества [35. С. 16].

Другой вариант методологического синтеза предложен А.С. Сенявским, допускающим возможность соединения тоталитарного, модернизационного и цивилизационного подходов к изучению истории России в XX в. Она обеспечивается прежде всего, по мнению автора, характером исторических процессов в новейшее время, тем обстоятельством, что «тоталитаризм как явление... есть побочный продукт урбанизационного процесса», запоздалой и ускоренной российской урбанизации, породившей, вкупе с Первой мировой войной, масштабную маргинализацию общества; является по сути путем преодоления порождаемой ею фундаментальной нестабильности [37. С. 44–49].

Важным теоретическим инструментом анализа российской революции и процесса становления большевистской общественной системы является концепция европейского военно-революционного кризиса 1914–1921 гг. [38–40]. П. Холквист отмечает, что, с точки зрения социальных институтов, революция и Гражданская война в России были всего лишь финальной стадией длительного общеевропейского кризиса, начатого в 1914 г. При этом целый ряд социальных процессов, происходивших в течение семи кризисных лет 1914–1921 гг., должны рассматриваться в контексте еще более длительных социальных изменений, что определяет необходимость выявления элементов преемственности при рассмотрении социальной и демографической структуры российского общества в дореволюционный и постреволюционный периоды. П. Холквист обращает внимание на развитие в России в начале XX в. влиятельных средств массовой информации, что было одним из проявлений становления «массового общества», перехода к методам массовой политики и пропаганды, характерным и для других европейских стран. Особое значение в утверждении новых, современных методов управления имел опыт Первой мировой войны. «Тотальная война, – отмечает П. Холквист, – была самым тесным образом связана с развитием современной политики управления массами, переходом от управления территориями к управлению населением» [38. С. 84].

Опыт Первой мировой войны, когда во всех европейских странах реализовывались проекты национальной и социальной мобилизации, обусловил распространение новых представлений о роли государства в управлении обществом. Оно стало мыслиться через «переделку» сознания и поведения человека,

«возращивание» нового человека, т.е., по сути, путем социального инжиниринга. Поэтому, отмечает П. Холквист, во всех странах, включая Россию, изменились функции надзора за населением. Он стал предназначаться не просто для выявления мнений и настроений населения, как не сводиться и к контролю над этим населением; вся его цель заключалась в том, чтобы воздействовать на людей, чтобы их изменить. Во всех странах под влиянием опыта мировой войны появились идеи создания более совершенного общества при одновременном превращении образующего это общество человеческого материала в более эмансипированных, сознательных и вообще лучших индивидуумов, «нового человека». Надзор за настроениями населения, таким образом, делает вывод автор, надо понимать не просто как «русский феномен», а как вспомогательную функцию политики современной эпохи, одним из вариантов которой является тоталитаризм [39. С. 47].

В близкой по подходам книге Д. Санборна «Мобилизуя российскую нацию: воинская обязанность, тотальная война и массовая политика, 1905–1925» политические процессы рассматриваются как порождение феноменов массовой политики, пропаганды и массовой армии, имеющих общеевропейскую природу. При этом автор выявляет культурную основу и идейно-психологическую составляющую данных феноменов, выражающуюся в формировании концептов, образов, массовых интерпретаций, воплощавших и определявших происходившие перемены. Д. Санборн показывает влияние Первой мировой войны, создавшей тотально мобилизованное общество, а затем революционных процессов и периода Гражданской войны на ускорение формирования, трансформацию облика и самой идеи российской нации [40. Р. 205–207].

Освоение российскими историками подходов социальной истории и других антропологически ориентированных направлений способствовало их значительному продвижению в исследовании социокультурных процессов постреволюционного времени [30; 41–46]. Если для изучения репрессий большое значение имело рассекречивание документов, относящихся к функционированию власти, то для изучения сознания, поведения, повседневной жизни советских людей, помимо них, – еще и огромного массива «писем во власть» [22. Р. 155; 47. С. 22].

Все большую популярность в изучении раннесоветского общества приобретают подходы «новой культурной» и «новой политической» истории. Исследователи обращаются к феноменам «нового человека», культурных практик, эмоций, сознания и поведения советских людей [46–52]. Значительное внимание уделяется изучению культурно-символических аспектов общественных процессов, рассматриваемых в контексте анализа проблем пропаганды, формирования новой политической культуры, новой идентичности, конструирования «революционного» символического пространства, нового облика территорий [53–60]. При этом авторы в своих работах, как правило, используют междисциплинарную методологию, исходя из специфики самого предмета, а также задач исследований.

Возможности и перспективы дальнейшего изучения раннесоветского общества обеспечиваются введением в

научный оборот новых архивных материалов, прежде всего извлекаемых из региональных архивохранилищ; выходом в свет в 2000–2010-е гг. целого ряда новых сборников документов общероссийского и регионального характера [61–65]. На основе новых и переосмысленных источников можно разрабатывать широкий спектр

проблем взаимоотношений власти и общества, углубить и уточнить наши представления о соотношении разрыва и преемственности в политической, экономической и культурной сферах общественной жизни, роли большевистского властного конструирования и социокультурной инерции в ее трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. Нэп и его судьба // Историки спорят. Тринадцать бесед. М. : Политиздат, 1988. С. 122–190.
2. Осмыслить культ Сталина. М. : Прогресс, 1989. 656 с.
3. Лацис О.Р. Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. М. : Политиздат, 1990. 397 с.
4. Попов Г.Х. Программа, которой руководствовался Сталин // Не смей командовать! : от административно-командных к экономическим методам управления / под ред. Н.Я. Петракова. М. : Экономика, 1990. С. 53–65.
5. Ципко А.С. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 45–55; № 12. С. 40–48; 1989. № 1. С. 46–57; № 2. С. 53–61.
6. Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 3–25.
7. Игрицкий Ю.И. Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. 1990. № 6. С. 172–190.
8. Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1. С. 3–17.
9. Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск : НГУ, 1993. 250 с.
10. Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 1950-х гг. : в 2 ч. Нижний Тагил : Уральский государственный педагогический университет ; Нижнетагильский государственный педагогический институт, 1996. Ч. 1 : Репрессии 1920–1930-х гг. 232 с.
11. Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. 22 с.
12. «И снова об историках-ревизионистах» (Круглый стол) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 121–141.
13. Хлевнюк О.В. Гипотезы или факты? // Советское прошлое: поиски понимания. Круглый стол // Отечественная история. 2000. № 5. С. 92–96.
14. Малия М. Советская история // Отечественная история. 1999. № 3. С. 134–141.
15. Малия М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 582 с.
16. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. М. : Наука, 1995. 232 с.
17. Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система: 20-е гг. М. : ИРИ РАН, 2000. 439 с.
18. Гимпельсон Е.Г. Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории. М. : Собрание, 2006. 130 с.
19. Павлова И.В. Механизм политической власти в СССР в 1920–30-е годы // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 49–66.
20. Голубев А.В. Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (1920–1940-е гг.) / РАН. Ин-т рос. истории в сотруд. с ун-том им. Меллена. М. : ИРИ РАН, 1999. С. 7–33.
21. Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика: послереволюционная Россия (1917–1928). СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 400 с.
22. Fitzpatrick Sh. Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia. Princeton ; Oxford, 2005. 332 p.
23. Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass. ; London, 2002. 359 p.
24. Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as Civilization. Berkley ; Los Angeles ; London, 1995. 639 p.
25. Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History. Bloomington, 1989. 450 p.
26. Siegelbaum, Lewis H., Rosenberg William G. Social dimensions of Soviet industrialization. Bloomington : Indiana University Press, 1993. 296 p.
27. Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов // Отечественная история. 1998. № 5. С. 107–121.
28. Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Теоретические проблемы исторических исследований. М. : Изд-во МГУ, 1998. Вып. 1. С. 56–64.
29. Соколов А.К. Курс советской истории, 1917–1940. М. : Высшая школа, 1999. 272 с.
30. Соколов А.К. Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 7–52.
31. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Документы и материалы (Пермская, Челябинская и Свердловская область). Т. 1: Общество и власть. Российская провинция. 1917–1941. Свердловская область. Документы и материалы. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. 792 с.
32. Siegelbaum Lewis, Sokolov Andrei. Stalinism as a Way of Life. New Haven ; London : Yale University Press, 2000. 460 p.
33. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, Е.Т. Артёмов и др. ; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : УрО РАН, 2011. 384 с.
34. Ушакова С.Н. Проблема социальной мобилизации в современной англоязычной историографии // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х –1930-е гг.) / Н.Б. Арнаут, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Д.Д. Миненков, Л.И. Пыстина, Л.И. Сосковец, А.Г. Тепляков, Н.Д. Троценко, С.Н. Ушакова, О.В. Шер. Новосибирск, 2013. С. 23–33.
35. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х –1930-е гг.) / Н.Б. Арнаут, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Д.Д. Миненков, Л.И. Пыстина, Л.И. Сосковец, А.Г. Тепляков, Н.Д. Троценко, С.Н. Ушакова, О.В. Шер. Новосибирск, 2013. 419 с.
36. Красильников С.А. Социальная мобилизация как объект социогуманитарных исследований. Теоретические аспекты // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х –1930-е гг.) / Н.Б. Арнаут, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Д.Д. Миненков, Л.И. Пыстина, Л.И. Сосковец, А.Г. Тепляков, Н.Д. Троценко, С.Н. Ушакова, О.В. Шер. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2013. С. 9–22.
37. Сенявский А.С. Российский тоталитаризм: урбанизация в системе факторов его становления, эволюции и распада // Власть и общество в СССР: политика репрессий (1920–1940-е гг.) / РАН. Ин-т рос. истории в сотрудничестве с ун-том им. Меллена. М. : ИРИ РАН, 1999. С. 33–57.
38. Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. СПб. : СПб. Институт истории РАН ; Дмитрий Буланин, 1999. С. 83–101.
39. Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара : Самар. ун-т, 2001. С. 45–93.
40. Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Dekalb, 2003. 278 p.
41. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма» : Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М. : РОССПЭН, 2004. 240 с.
42. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М. : Институт философии РАН, 1996. 215 с.
43. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города 1920–1930-е гг. СПб. : Нева ; Летний сад, 1999. 320 с.

44. Маркевич А.М. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 368 с.
45. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.
46. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
47. Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 344 с.
48. Кур-Королев К. Новый человек, или социальная инженерия при сталинизме: некролог по мечтам о новом человеке // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы междунар. науч. конф. 2009. С. 372–377.
49. Лившин А., Орлов И. Власть и общество: Диалог в письмах. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 208 с.
50. Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб.: Европейский дом, 2006. 570 с.
51. Яров С.В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. 376 с.
52. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 759 с.
53. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.
54. Барышева Е.В. Праздничное убранство советских городов 1920–1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (52). С. 23–32.
55. Алексеев Е. «Звучание тишины»: контрасты и парадоксы сталинской эпохи в газетной графике // Quaestio Rossica. 2015. № 4. С. 83–108. DOI 10.15826/QR.2015.4.127
56. Коньшева Е. «Солнце, воздух и дом для всех»? Европейский опыт массового жилищного строительства и его советские вариации в годы первых пятилеток // Quaestio Rossica. 2016. Vol. 4, № 3. С. 34–54. DOI 10.15826/qr.2016.3.174
57. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009. 439 с.
58. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 336 с.
59. Figs O. A People's Tragedy: A History of the Russian Revolution. New York: Viking, 1997. 923 p.
60. Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922. Book 2. Popular Culture, Identities, Mentalities, and Memory / ed. by Murray Frame, Boris Kolonitskii, Steven G. Marks, Melissa K. Stockdale. Bloomington: Indiana, 2014. 370 p.
61. Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918–1930-е гг.: сб. документов: в 2 кн. СПб.: Нестор-История, 2006. 340 с.
62. Общество и власть: 1930-е гг. Повествование в документах / отв. ред. А.К. Соколов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 352 с.
63. Общество и власть. Российская провинция: 1917–1980-е гг. (по материалам нижегород. архивов): в 3 т. Т. 1: 1917 – сеп. 1930 г. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2002. 640 с.; Т. 2: 1930 г. – июнь 1941 г. / сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова. М.; Н. Новгород: Ин-т рос. истории РАН и др., 2005. 1152 с.
64. Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.): сб. документов / сост. В.И. Шишкин. 2-е изд., расшир. и доп. Новосибирск: Автограф, 2015. 421 с.
65. Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания / авт.-сост. Н.В. Суржикова, М.И. Вебер и др.; науч. ред. Н.В. Суржикова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 510 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 августа 2017 г.

CONTEMPORARY EARLY SOVIET SOCIETY STUDIES IN THE CONTEXT OF CHANGING PARADIGMS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 150–156.

DOI: 10.17223/15617793/423/21

Olga S. Porshneva, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

Keywords: historiography; early soviet society; totalitarian theory; social history; methodological synthesis; cultural-historical perspective.

The article is devoted to the analysis of the key historiography problem of the early soviet state history of 1917 – middle 1930s – the issue of the soviet system's nature. The author focuses attention on the formation and evolution of the methodological approaches to this problem in contemporary historiography. The article argues that historians characterize the nature of the early soviet system primarily by assessing the state mechanism's functioning and by analyzing the means of power and public interrelationship. The article starts with the overall description of the historiographical situation of the early 1990s, which could be seen as a starting position for the contemporary Russian historiography of the Soviet epoch. The author shows a conceptual influence of Western historiography, especially of American Russian Studies and sovietology, on Russian post-soviet and contemporary historiography of this problem. The article discusses the role of totalitarian theory and social history as two main competing approaches to the early soviet society research in the Russian historiography of the 1990s–2000s. The author takes into consideration the significance of the methodological discussions of the 1990s – beginning of the 2000s in overcoming the totalitarian theory extremities and in elaborating deeper understanding of the social processes of 1917 – the 1930s. Special attention is paid to the polemics between the proponents of the theory of totalitarianism and the so-called 'revisionist' movement in historiography. The article shows variants of methodological synthesis and hybrid concepts which have a multiplicative effect on the epistemological potential of theoretical ideas used for the explanation of key mechanisms of soviet society functioning and researching its institutional and socio-cultural parameters. The author focuses on the contemporary methodological models and achievements in the studies of anthropological and cultural dimensions of social historical processes. In particular, the concepts of European military-revolutionary crisis (P. Holquist, D. Sanborn), the theory of modernization (V. V. Alekseev, I. V. Poberezhnikov) and the theory of mobilization (S. A. Krasilnikov) are analyzed in details. The article examines fruitful ideas of contemporary historiography which help to comprehend the early soviet society as a realm and subject of realization of a new world and human being creation Bolshevik project. The author makes a conclusion about the prospective ways of studying the early soviet society, defining the newly-emerging cross-disciplinary approaches (like 'new cultural history or 'new political history') and the broadening of source base as the pivotal directions of development in the years to come.

REFERENCES

1. Danilov, V.P., Dmitrenko, V.P. & Lel'chuk, V.S. (1988) Nep i ego sud'ba [NEP and its fate]. In: Lel'chuk, V.S. (ed.) *Istoriki sporyat. Trinadtsat' besed* [Historians argue. Thirteen conversations]. Moscow: Politizdat.
2. Kobo, Kh. (ed.) (1989) *Osmyslit' kul't Stalina* [To understand the cult of Stalin]. Moscow: Progress.
3. Latsis, O.R. (1990) *Perelom. Opyt prochteniya nesekretnykh dokumentov* [Change. Experience in reading unclassified documents]. Moscow: Politizdat.
4. Popov, G.Kh. (1990) Programma, kotoroy rukovodstvovalsya Stalin [Program which guided Stalin]. In: Petrakov, N.Ya. (ed.) *Ne smet' komandovat'!: ot administrativno-komandnykh k ekonomicheskim metodam upravleniya* [Do not dare to command!: from administrative-command to economic methods of management]. Moscow: Ekonomika.
5. Tsipko, A.S. (1988) Istoki stalinizma [The origins of Stalinism]. *Nauka i zhizn'*. 11. pp. 45–55.
6. Gadzhiev, K.S. (1992) Totalitarizm kak fenomen XX veka [Totalitarianism as a phenomenon of the twentieth century]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 3–25.
7. Igritskiy, Yu.I. (1990) Kontsepsiya totalitarizma: uroki mnogoletnikh diskussiy na Zapade [The concept of totalitarianism: lessons of long-standing discussions in the West]. *Istoriya SSSR*. 6. pp. 172–190.
8. Igritskiy, Yu.I. (1993) Snova o totalitarizme [Again about totalitarianism]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 3–17.
9. Pavlova, I.V. (1993) *Stalinizm: stanovlenie mekhanizma vlasti* [Stalinism: the formation of the mechanism of power]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
10. Kirillov, V.M. (1996) *Istoriya repressiy v Nizhnetagil'skom regione Urala. 1920-e – nachalo 1950-kh gg.: v 2 ch.* [The history of repression in the Nizhny Tagil region of the Urals. 1920 – the beginning of the 1950s: in 2 parts]. Pt. 1. Nizhny Tagil: Ural State Pedagogical University; Nizhny Tagil State Pedagogical Institute.
11. Suslov, A.B. (2004) *Spetskontingent v Permskom krae v kontse 20-kh – nachale 50-kh gg. XX v.* [Special contingent in the Perm region in the late 1920s – early 1950s]. Abstract of History Dr. Diss. Ekaterinburg.
12. *Otechestvennaya istoriya*. (1999) "I snova ob istorikakh-revizionistakh" (Kruglyy stol) ["And again about revisionist historians" (Round table)]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 121–141.
13. Khlevnyuk, O.V. (2000) Gipotezy ili fakty? [Hypotheses or facts?]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 92–96.
14. Malia, M. (1999) Sovetskaya istoriya [Soviet History]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 134–141.
15. Malia, M. (2002) *Sovetskaya tragediya: Istoriya sotsializma v Rossii. 1917–1991* [Soviet tragedy: The history of socialism in Russia. 1917–1991]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
16. Gimpel'son, E.G. (1995) *Formirovanie sovetskoy politicheskoy sistemy. 1917–1923 gg.* [Formation of the Soviet political system. 1917–1923]. Moscow: Nauka.
17. Gimpel'son, E.G. (2000) *NEP i sovetskaya politicheskaya sistema: 20-e gg.* [NEP and the Soviet political system: the '20s]. Moscow: IRH RAS.
18. Gimpel'son, E.G. (2006) *Rossiya na perelome epokh. Osmyslenie XX stoletiya rossiyskoy istorii* [Russia at the turn of the ages. Comprehension of the 20th century of Russian history]. Moscow: Sobranie.
19. Pavlova, I.V. (1998) Mekhanizm politicheskoy vlasti v SSSR v 1920–30-e gody [The mechanism of political power in the USSR in the 1920s–30s]. *Voprosy istorii*. 11–12. pp. 49–66.
20. Golubev, A.V. (1999) Totalitarizm kak fenomen rossiyskoy istorii XX veka [Totalitarianism as a phenomenon of the Russian history of the 20th century]. In: Dmitrenko, V.P. et al. (eds) *Vlast' i obshchestvo v SSSR: politika repressiy (1920–1940-e gg.)* [Power and Society in the USSR: Politics of Repression (the 1920s–1940s)]. Moscow: IRH RAS.
21. Shishkin, V.A. (1997) *Vlast'. Politika. Ekonomika: poslerevolutsionnaya Rossiya (1917–1928)* [Power. Policy. Economy: post-revolutionary Russia (1917–1928)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
22. Fitzpatrick, Sh. (2005) *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia*. Princeton: Princeton University Press.
23. Holquist, P. (2002) *Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
24. Kotkin, S. (1995) *Magnetic Mountain. Stalinism as Civilization*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
25. Koenker, D.P., Rosenberg, W.G. & Suny, R.G. (eds) (1989) *Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History*. Bloomington: Indiana University Press.
26. Siegelbaum, L.H. & Rosenberg, W.G. (1993) *Social dimensions of Soviet industrialization*. Bloomington: Indiana University Press.
27. Pavlova, I.V. (1998) Sovremennyye zapadnye istoriki o stalinskoj Rossii 30-kh godov [Contemporary Western historians on Stalin's Russia of the '30s]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 107–121.
28. Sokolov, A.K. (1998) Sotsial'naya istoriya Rossii noveyshego vremeni: problemy metodologii i istochnikovedeniya [Social history of Russia of modern times: the problems of methodology and source study]. In: Pivovarov, E.I. (ed.) *Teoreticheskie problemy istoricheskikh issledovaniy* [Theoretical problems of historical research]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.
29. Sokolov, A.K. (1999) *Kurs sovetskoy istorii, 1917–1940* [A course of Soviet history, 1917–1940]. Moscow: Vysshaya shkola.
30. Sokolov, A.K. (2005) Drama rabocheho klassa i perspektivy rabochey istorii v sovremennoy Rossii [The drama of the working class and the prospects of working history in modern Russia]. In: *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 2004* [Social History. Yearbook. 2004]. Moscow: ROSSPEN. pp. 7–52.
31. Alekseev, V.V. (ed.) (2005) *Obshchestvo i vlast'. Rossiyskaya provintsiya. 1917–1985. Dokumenty i materialy (Permskaya, Chelyabinskaya i Sverdlovskaya oblast')* [Society and power. The Russian province. 1917–1985. Documents and materials (Perm, Chelyabinsk and Sverdlovsk Oblasts)]. Vol. 1. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
32. Siegelbaum, L. & Sokolov, A. (2000). *Stalinism as a Way of Life*. New Haven; London: Yale University Press.
33. Alekseev, V.V. et al. (eds) (2011) *Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX vv.: prostranstvenno-vremennyy aspekt* [Civilizational specificity of the Russian modernization of the 18th–20th centuries: the space-time aspect]. Ekaterinburg: UrB RAS.
34. Ushakova, S.N. (2013) Problema sotsial'noy mobilizatsii v sovremennoy angloyazychnoy istoriografii [The problem of social mobilization in modern English-speaking historiography]. In: Arnautov, N.B. et al. *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s–1930s)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
35. Arnautov, N.B. et al. (2013) *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s–1930s)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
36. Krasil'nikov, S.A. (2013) Sotsial'naya mobilizatsiya kak ob'ekt sotsiologicheskikh issledovaniy. Teoreticheskie aspekty [Social mobilization as an object of social and humanitarian studies. Theoretical aspects]. Arnautov, N.B. et al. *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s–1930s)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
37. Senyavskiy, A.S. (1999) Rossiyskiy totalitarizm: urbanizatsiya v sisteme faktorov ego stanovleniya, evolyutsii i raspada [Russian totalitarianism: urbanization in the system of factors of its formation, evolution and decay]. In: Dmitrenko, V.P. et al. (eds) *Vlast' i obshchestvo v SSSR: politika repressiy (1920–1940-e gg.)* [Power and Society in the USSR: Politics of Repression (the 1920s–1940s)]. Moscow: IRH RAS.
38. Holquist, P. (1999) Total'naya mobilizatsiya i politika naseleniya: rossiyskaya katastrofa (1914–1921) v evropeyskom kontekste [Total mobilization and population policy: the Russian catastrophe (1914–1921) in the European context]. Translated from English. In: Smirnov, N.N. (ed.) *Rossiyskiy i Pervaya mirovaya vojna* [Russia and the First World War]. St. Petersburg: St. Petersburg Institute of History RAS, "Dmitriy Bulanin".
39. Holquist, P. (2001) "Osvedomlenie – eto al'fa i omega nashey raboty": Nadzor za nastroeniymi naseleniya v gody bol'shevistskogo rezhima i ego obshcheevropeyskiy kontekst ["Awareness is the alpha and omega of our work": Surveillance of the moods of the population during the Bol-

- shevik regime and its pan-European context]. Translated from English. In: David-Fox, M. (ed.) *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskiy period: Antologiya* [American Russian Studies: Milestones of historiography of the latest years. Soviet period: Anthology]. Samara: Samara State University.
40. Sanborn, J. (2003) *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
  41. Zhuravlev, S.V. & Mukhin, M.Yu. (2004) “Krepost’ sotsializma”: Povsednevnost’ i motivatsiya truda na sovetском predpriyatii, 1928–1938 gg. [“Fortress of Socialism”: Daily life and motivation of work at a Soviet enterprise, 1928–1938]. Moscow: ROSSPEN.
  42. Kozlova, N.N. (1996) *Gorizonty povsednevnosti sovetskoy epokhi: Golosa iz khora* [Horizons of the everyday life of the Soviet era: Voices from the choir]. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
  43. Lebina, N.B. (1999) *Povsednevnyaya zhizn’ sovetskogo goroda 1920–1930-e gg.* [The daily life of the Soviet city of the 1920s–1930s]. St. Petersburg: Neva; Letniy sad.
  44. Markevich, A.M. (2005) “Magnitka bliz Sadovogo kol’tsa”: Stimuly k rabote na Moskovskom zavode “Serp i molot”, 1883–2001 gg. [“Magnet plant near the Garden Ring”: Incentives for work at the Moscow plant Serp i Molot, 1883–2001]. Moscow: ROSSPEN.
  45. Osokina, E.A. (1999) *Za fasadom “stalinskogo izobiliya”: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of “Stalin’s abundance”: Distribution and market in the supply of the population in the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN.
  46. Narskiy, I.V. (2001) *Zhizn’ v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a catastrophe: Everyday life of the Urals in 1917–1922]. Moscow: ROSSPEN.
  47. Livshin, A. (2010) *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoj Rossii 1917–1932 gg.* [Moods and political emotions in Soviet Russia in 1917–1932]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Prezidentskiy tsentr B.N. El’tsin”.
  48. Kur-Korolev, K. (2011) [New man, or social engineering under Stalinism: an obituary for dreams of a new man]. *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya* [History of Stalinism: results and problems of study]. Proceedings of the international conference. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), pp. 372–377. (In Russian).
  49. Livshin, A. & Orlov, I. (2002) *Vlast’ i obshchestvo: Dialog v pis’makh* [Power and Society: Dialogue in Letters]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
  50. Yarov, S.V. (2006) *Konformizm v Sovetskoj Rossii: Petrograd 1917–1920-kh gg.* [Conformism in Soviet Russia: Petrograd of 1917–1920s]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom.
  51. Yarov, S.V. (2014) *Chelovekpered vlasti. 1917–1920-e gg.* [Man in the face of power. 1917–1920s]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Prezidentskiy tsentr B.N. El’tsin”.
  52. Buldakov, V.P. (2012) *Utopiya, agressiya, vlast’. Psikhosotsial’naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg.* [Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of post-revolutionary time. Russia, 1920s–1930s]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
  53. Malysheva, S.Yu. (2005) *Sovetskaya prazdnichnaya kul’tura v provintsii: prostranstvo, simvol’y, istoricheskie mify (1917–1927)* [Soviet festive culture in the province: space, symbols, historical myths (1917–1927)]. Kazan: Ruten.
  54. Barysheva, E.V. (2016) *Prazdnichnoe ubranstvo sovetskikh gorodov 1920–1930-kh gg.* [Festive decoration of Soviet cities of the 1920s–1930s]. *Ural’skiy istoricheskiy vestnik*. 3 (52). pp. 23–32.
  55. Alekseev, E. (2015) The sound of silence: the contrast and paradoxes of the Stalin era in newspaper graphics. *Quaestio Rossica*. 4. pp. 83–108. (In Russian). DOI: 10.15826/QR.2015.4.127
  56. Konysheva, E. (2016) ‘Sun, Air, and Homes for All’? Soviet Variations on European Experiences of Mass Housing Construction during the First Five-Year Plans. *Quaestio Rossica*. 4:3. pp. 34–54. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2016.3.174
  57. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet mass celebrations]. Translated from English. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Prezidentskiy tsentr B.N. El’tsin”.
  58. Kolonitskiy, B.I. (2012) *Simvol’y vlasti i bor’ba za vlast’: k izucheniyu politicheskoy kul’tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: the study of the political culture of the Russian revolution of 1917]. St. Petersburg: Liki Rossii.
  59. Figs, O. (1997) *A People’s Tragedy: A History of the Russian Revolution*. New York: Viking.
  60. Frame, M., Kolonitskii, B., Marks, S.G. & Stockdale, M.K. (eds) (2014) *Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922*. Book 2. Bloomington: Indiana University Press.
  61. Yarov, S.V. (ed.) (2006) *Novgorodskaya zemlya v epokhu sotsial’nykh potryaseniy. 1918–1930-e gg.: sb. dokumentov: v 2 kn.* [Novgorod land in the era of social upheaval. 1918–1930s: documents: in 2 books]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
  62. Sokolov, A.K. (ed.) (1998) *Obshchestvo i vlast’: 1930-e gg. Povestvovanie v dokumentakh* [Society and power: the 1930s. Narration in documents]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
  63. Kulakov, A.A., Smirnov, V.V. & Kolodnikova L.P. (eds) (2005) *Obshchestvo i vlast’. Rossiyskaya provintsiya: 1917–1980-e g. (po materialam nizhegorod. arkhivov): v 3 t.* [Society and power. The Russian province: 1917–1980s (based on the materials of the Nizhny Novgorod archives): in 3 volumes]. Vol. 1. Moscow; Nizhniy Novgorod: IRH RAS.
  64. Shishkin, V.I. (ed.) (2015) *Pis’ma vo vlast’ v epokhu revolyutsii i Grazhdanskoy voyny (mart 1917 – may 1921 g): sb. dokumentov* [Letters to power in the era of the Revolution and the Civil War (March 1917 – May 1921): documents]. 2nd ed. Novosibirsk: Avtograf.
  65. Surzhikova, N.V. et al. (eds) (2015) *Rossiya 1917 goda v ego-dokumentakh: Vospominaniya* [Russia in 1917 in ego-documents: Memoirs]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

Received: 31 August 2017